

Совершенно питерская история / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Совершенно питерская история / рассказ СОВЕРШЕННО ПИТЕРСКАЯ ИСТОРИЯ*

Глухие, гулко бормочущие голоса, словно сквозь войлок или толщу воды. Елена замерла в некой надсадной растерянности.

– ...ойхская! Войцеховская!

Это Дима Мухин. Нагнал ее, сильно толкнул в спину. Она развернулась, и, удивляясь самой себе, наотмашь ударила его пеналом по лицу. Из носа Димы брызнула кровь.

– Ах ты, крыса! – вскрикнул он.

Бросился, повалил Елену на землю, но не устоял на ногах и сверзился сверху. Капля его крови упала на ее губы. Задыхаясь от омерзения, она дернулась и перевалилась через мягкую грань сна. В мышцах руки еще чувствовалась детская не до конца растраченную злость.

– Козёл!

Сбросив волглое одеяло, Елена села в постели и отерла ладонью губы, будто они и вправду могли быть в крови.

«Класс шестой где-то. Мухин. Уж тридцать лет прошло, что ли? – уныло подумала она.

Нашарила ногой шлепанцы, встала и подошла к окну. В сером стекле мелькнуло невнятное отражение лица.

«Душно. Вот и снится всякая дрянь».

Войцеховская открыла окно, вдохнула сырой воздух. Она снова улеглась в кровать, но сон не шел. Серая ночь постепенно сменилась серым рассветом.

– Ну, Мухин, козел!

День не задался, и все сегодня будет раздражать.

– Вздохнули, – Елена положила руку на грудь. Вы-выдохнули... Еще и дождь этот, черт!

Пахло отсыревшим деревом, деревней, детством. Над входом в здание суда, в котором Елена, по выражению одного адвоката, «вершила судьбы граждан Российской Федерации», висел мокрый флаг. С него стекала вода, и он выглядел еще более блеклым и грязным, чем обычно.

В зале заседаний сгустилась неимоверная духота, даром что небо было покрыто тучами. Елену раздражала духота, раздражал сумрак, против которого была бессильна даже лампа дневного цвета, злили усыпляюще монотонные речи участников разбирательств. Хотелось подначить их, поддразнить, как в детстве.

К полудню погода изменилась. Солнце, будто искупая вину за позднее прибытие, лупило во всю мощь. Елене, чье судейское кресло располагалось прямо напротив окна, доставалось от солнечных лучей больше всех. Она ерзала на кресле, сдвигалась, отворачивалась, прятала лицо, понимая, что со стороны всем кажется, будто она скрывает раздражение, гнев.

– Отказала, представляешь? – жаловался в коридоре один из адвокатов. – Как с цепи сорвалась. Возит лицом по столу и правых, и виноватых.

– Не говори!

– Сидит еще так, голову набок наклонила, глаза прищурила, типа давай, давай, я тебя насквозь вижу. Ну вылитый инквизитор. И я перед ней – дурак дураком.

– Согласен.

– С чем согласен-то?

– Да они все сейчас озверевшие какие-то.

– Всё правильно, суд-то на Зверинской...

Замолчали и устало рассмеялись.

В перерыве между заседаниями Войцеховская едва ли не бегом

ринулась в совещательную комнату. Сорвала с себя мантию, которая, казалось, вот-вот задымится, и встала перед вентилятором. Но полноценно насладиться прохладой ей не удалось – в приоткрытую дверь заглянул помощник.

– Елена Александровна, злодея привезли! Последнее на сегодня, – радостно доложил он. – Убийство в состоянии аффекта, рассматриваем по упрощенке.

– Володя, не позорьтесь! – рявкнула она. Вздохнула и выдохнула спокойнее. – В уголовном процессе нет «упрощенки». Есть только особый порядок. Запомните уже.

– Извините, – смутился Володя. – Э-э... Так что, приглашать?

– Приглашай! – и вздохнула.

Распылила на лицо термальную воду, наклонилась над вентилятором, чтобы брызги побыстрее высохли и охладили. Преодолев соблазн снять платье и надеть мантию поверх нижнего белья, судья стала застегиваться.

В зале с противным грохотом отодвигали скамейки. Прокурор смачно шмякнул на стол тяжелый портфель и спросил у Володи:

– Можно открыть окно?

– Я же не убегу, – поддержал его подсудимый, которого уже успели поместить в клетку.

Помощник не ответил, потому что в этот момент в зал вошла Войцеховская.

– Откройте окно, – разрешила она.

Примостившись на самом краю кресла, успевшего раскалиться до предела, вперила взгляд в обложку первого тома дела (по-другому она свой взор сейчас бы не определила) и забубнила: «СудебноеЗаседаниеОбъявляетсяОткрытымСлушаетсяДелоПоОбвинениюМакароваВасилияИннокетьевичаВсовершенииПреступленияПредусмотренногоЧастьюПервойСтатьиСтоСедьмойУголовногоКодексаРФ».

Не сбавляя темпа, она проверила явку, установила личность подсудимого, огласила состав суда, спросила, нет ли отводов, разъяснила подсудимому его права и разрешила вопрос о наличии ходатайств.

За годы судейства выполнение этих формальностей успело ее порядком утомить. Присутствующие, быстро разомлевшие на солнце, не слушали. Для них участие в процессах тоже было ежедневной рутинной. Не по долгу службы в зале суда сейчас находился только подсудимый – помятый жизнью, прямо-таки основательно пожеванный мужчина лет 30-ти. Но и он не проявлял к происходящему никакого внимания. Кажется, его больше занимал причудливый полет мухи, даже не представляющей, куда она залетела.

Государственный обвинитель, то и дело промокая покрасневшее лицо большим коричневым платком, сбивчиво зачитал обвинительное заключение.

– Подсудимый, встаньте. Вам понятно обвинение?

Подсудимый (Макаров – уточнила для себя Елена мимоходом глянув в «дело») ухватился за прутья решетки и поднялся. Круглолицый, плотный, коротконогий, он напоминал хомяка. Передразнивая судью, мужчина протараторил:

– Обвинение мне понятно, я с ним согласен, ходатайство поддерживаю, подтверждаю, что оно заявлено добровольно и после консультации с защитником, последствия постановления приговора без проведения разбирательства осознаю.

– Не паясничайте, подсудимый, – одернула его Войцеховская.

Он снова открыл рот, но наткнулся на предостерегающий взгляд Павла Лукина, своего защитника.

Исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, и прения сторон заняли около пяти минут. Это при том, что Павел постарался привести множество доводов в пользу Макарова.

– Для защитника по назначению вы проявляете удивительное рвение, – не удержалась Елена.

– Я стараюсь добросовестно выполнять свои обязанности, – не без пафоса ответил защитник.

Елена фыркнула и взглянула на часы. Осталось последнее слово. Его продолжительность не ограничивается, но мало кто распинается дольше 15 минут. Да и что нового можно сказать? Судья раскрыла блокнот, в котором были записаны самые ходовые обстоятельства, на которые ссылаются подсудимые, и

приготовилась ставить галочки.

– Подсудимый, вам предоставляется последнее слово. Что вы желаете сказать суду?

– Ваша честь, буду краток. – Я сожалею...

Ручка, зажатая в руке Войцеховской, зависла над пунктом «Я сожалею о содеянном и полностью признаю свою вину». Но подсудимый продолжил.

– Сожалею о том, что не убил эту мразь еще в две тыщи восьмом. Я не скрывался от следствия, добровольно дал признательные показания, не просил о рассмотрении моего дела присяжными вовсе не для того, чтобы теперь канючить о снисхождении. Начинать новую жизнь, нести людям пользу и добро не планирую. На свободе меня оставить не прошу. Но и виновным себя не считаю – убил, потому что должен был убить. И если бы нужно было сделать это еще раз, без колебаний сделал бы. У меня всё. Присутствующие насторожились. Казалось, что стих даже уличный шум. Елена Александровна с некоторой растерянностью перечитала невостребованные записи из блокнота:

– Хочу начать/вести новую жизнь, бросить пить/заниматься спортом/стать волонтером. Хочу повести сына в зоопарк/уделять время беременной жене/заботиться о престарелых родителях. Имею неизлечимые заболевания, исключающие лишение свободы. Нахожусь в тяжёлом материальном положении. Был отличником в школе/не имею взысканий по работе. Прошу оставить меня на свободе в связи с примирением с потерпевшим.

Взяв себя в руки, Елена Александровна сообщила, что суд удаляется для вынесения приговора.

Когда судья скрылась за дверью, Лукин подскочил к решетке.

– Что вы тут несли?! – зашипел он. – Вы понимаете, что признались в совершении умышленного убийства?!

– Ну а тебе-то что? – холодно отозвался Макаров. – Тебя, что ли, укатают?

Паша с обидой посмотрел на него, пожал плечами и медленно вернулся к своему месту. «И зачем было выбиваться из сил? – с

горечью подумал он. – Мало того, что свои копейки приходится выколачивать, так еще и от подзащитных никакой благодарности».

Тем временем судья блаженствовала перед вентилятором.

«Не пришлось жариться лишние десять минут! – с благодарностью к подсудимому думала она. – За краткость надо дать ему минималку. При сохранении объективности, беспристрастности и независимости, само собой».

Усмехнувшись своим мыслям, Войцеховская решила для очистки совести полистать материалы дела, с которыми не успела ознакомиться заранее. Она бегло просматривала оглавление: заявление о явке с повинной, протокол осмотра места происшествия, протоколы допроса свидетелей, заключение судебно-психиатрической экспертизы по убийству Бухина А. Л. Как следовало из материалов дела, подсудимый и потерпевший познакомились в 2008 году в рядах Вооруженных Сил РФ, где Бухин, старший по возрасту и по званию, систематически унижал и избивал Макарова. С 2010 года Макаров работал электриком в ООО «ДМ&М». Коллегами электрик характеризовался положительно: спокойный, непьющий, очень исполнительный, готовый выйти на работу даже в выходные. Бухин был принят в ООО «ДМ&М» на должность главного инженера 2018 году. По показаниям сотрудников ООО «ДМ&М», на работе Бухин постоянно оскорблял Макарова, но тот на оскорбления главного инженера не отвечал.

Далее судья узнала обстоятельства убийства. Макаров праздновал свой день рождения с коллегами. Бухин, находясь в нетрезвом состоянии, скандалил, придирался к Макарову, смеялся над его внешним видом, унижал нецензурными словами. Видя, что Макаров не реагирует, пьяный Бухин обратился к коллегам со словами: «С чмошником не пейте, он же опущенный». После этого Макаров вдруг пришел в сильное волнение, схватил со стола хлебный нож и нанес главному инженеру несколько ударов, от которых тот скончался вечером следующего дня.

Вздыхнув-выдохнув, Елена Александровна открыла том уголовного дела на странице, запечатлевшей труп потерпевшего. Ей

показалось, что убитый похож на Мухина. Вспомнила сон, содрогнулась от отвращения и отложила папку с делом.

Впервые за день она решила назначить мягкое наказание: год и десять месяцев ограничения свободы с установлением соответствующих запретов.

С одной стороны, подсудимый сказал лишнего. С другой – родственников у Бухина не осталось. А прокурор вряд ли станет бороться за переквалификацию убийства в состоянии аффекта на умышленное убийство.

Выслушав приговор, Павел Лукин написал своей коллеге сообщение: «Прикинь, Войцеховская так одурела от жары, что дала реальному убийце минимум только из-за того, что он отказался от последнего слова».

Елена Александровна об этом облыжном сообщении, конечно, не знала. Она шла по Тучкову мосту и улыбалась.

*Текст представляет собой гротескную пародию на правосудие. Все имена и события являются вымышленными, а совпадения – случайными.

Об авторе: МАРИЯ САЛЬНИКОВА

Прозаик, юрист. Участница литературных конкурсов и олимпиад, студентка Литературного института им. А.М.Горького. В «Литературе» публикуется впервые. Neкаýalar